

Е. М. Смирнова

Формульные напевы в традиции елабужских кряшен

Аннотация

В статье рассматриваются формульные напевы, функционирующие в традиции елабужских кряшен — локально-территориальной группе кряшенской общности, расселенной в Нижнем Прикамье. Напевы анализируются как с точки зрения интонационного наполнения, так и с точки зрения жанровых амплуа, а также соотношения с «неформульным» элементом традиционной песенности. Материалом изучения служат образцы, собранные в фольклорных экспедициях Казанской государственной консерватории имени Н. Г. Жиганова 2010—2011 годов в селах Граховского района Республики Удмуртия и Менделеевского района Республики Татарстан.

Ключевые слова: татарский фольклор, фольклор, народная песня, елабужские кряшены, формульные напевы.

Е. М. Smirnova

Formula tunes in Yelabuga Kryashen tradition

Summary

Formula tunes (polygenre and polytext melodic forms, capable of connecting with different texts and functioning in the context of any family or calendar rite) are a core element in the traditional song culture of Yelabuga Kryashens. Considering the style of these tunes, we can say that they form a complete melodic complex; its analysis makes it possible to define typical melodic features of the archaic layer of the Kryashen folk song culture, whose ethnic character is not veiled by later strata. The correlation of the phenomenon of formula tunes typical for the tradition of the Yelabuga Kryashens, with similar phenomena in the culture of other peoples of the region, leaves no doubt that this is a phenomenon of a region-wide scale.

Keywords: Tatar folklore, folklore, folk song, Yelabuga Kryashens, formula tunes.

Феномен формульных напевов — полижанровость и политекстовость мелодических форм, их способность соединяться с разными текстами и функционировать в контексте любого как семейного, так и календарного обряда — исследователи отмечают по отношению ко многим традиционным музыкально-поэтическим культурам Поволжья (см.: [8, 9, 10, 15, 16]). В татарском музыкальном фольклоре, однако, данное явление на сегодняшний день обнаружено лишь в одной локальной этнотерриториальной традиции — традиции закамских кряшен, населяющих западную часть Иско-Заинского междуречья (Нижнекамский и Заинский районы Республики Татарстан)¹ (см.: [11]). Между тем кряшенская музыкально-поэтическая культура, вплоть до сегодняшнего дня сохранившая раннестадийные, архаичные составляющие, дает немало оснований видеть в ней общерегиональные закономерности — не исключая при этом их специфического преломления. Сказанное

справедливо и по отношению к феномену формульных напевов. Настоящая статья посвящена рассмотрению формульных напевов, функционирующих в традиции елабужских кряшен — локально-территориальной группе кряшенской общности, расселенной в Нижнем Прикамье (Граховский район Республики Удмуртия, Менделеевский район Республики Татарстан). Материалом изучения служат образцы, собранные в ходе этнографических экспедиций 2010 и 2011 годов, организованных Кабинетом музыки народов Поволжья Казанской государственной консерватории имени Н. Г. Жиганова. Экспедиции проходили в шести населенных пунктах: деревнях Порым, Нижний Тыловой, поселке Кизнер Граховского района Республики Удмуртия, в селе Старое Гришкино, деревнях Брюшли и Тагаево Менделеевского района Республики Татарстан.

Зафиксированный во время полевых экспедиций материал дает возможность говорить о том, что в песенной традиции елабужских кряшен функционирует пять формульных напевов (см. примеры 1—5)².

1

«Табакай да табакай, эй, ак борчак»³

♩ = 50

es Та ба кай да та ба кай, эй, ак бо рчак,

чә чмей ге нә тү кмей то ты гыз,

чә чмей ге нә тү кмей лә то ты гыз;

эй, бе знец кы зы бы зны сез а ла сыз,

ка кмый гы на су кмый ла, ай, то ты гыз,

ка кмый гы на су кмый ла, ай, то ты гыз.

2

«Жырларга да кушагыз – мин жырлармын»⁴

$\text{♩} = 70$

Жы_ рла_ рга да ку_(йү) шса_ гыз - ми_ н(е) жы_ (йы)_ рла_ (йа)_ рмын,
се_(йе)_ зне_ н(е) сү_ злә... ре_(йе)_ ге_ зне ты_(йы)_ пна_ (йа)_ рмын,
се_(йе)_ зне_ н(е) сү_(йү)_ злә... ре_(йе)_ ге_ зне ты_(йы)_ пна_ (йа)_ рмын;
ты_ н(ы)_ на_ (йа)_ ма_(йа) слар э_(йе)_ йде_ м(е) сү_(йү)_ зе_(йе)_ ге_ зне,
жа_ нна_ ры_ (йы)м ке_(йе)_ үек кү_(йү)_ рә_ мен ү_ зе_ ге_(йе)_ зне,
жа_ нна_ ры_ (йы)м ке_(йе)_ үек кү_(йү)_ рә_ мен ү_ зе_ ге_(йе)_ зне(й).

3

«Тегеүчеләр булып нигә жөрелгән соң»⁵

$\text{♩} = 62$

Те_ ге_ ү_ че_ лә_ р(е) бу_ лып ни_ гә_ жө_ ре_ лгән соң,
не_ чкә_ по_ ста_ у_ ла_ рны ки_ смә_ гәч,
не_ чкә_ по_ ста_ у_ ла_ рны ки_ смә_ гәч;
ай, ко_ да_ ча_ ла_ р(ы) бу_ лып ни_ к(е) жо_ ре_ лгән соң,
а_ я_ к(ы) ти_ бе_ п(е) жы_ р(ы)_ ла_ п(ы) э_ чмә_ гәч,
а_ я_ к(ы) ти_ бе_ п(е) жы_ р(ы)_ ла_ п(ы) э_ чмә_ гәч.

4

«Кара сыйырларның каймакларын»⁶

a $\text{♩} = 162$

Ка_ ра_ сы_ йы_ рла_ рныц ка_ йма_ кла_ рын,

ка_ йы_ рып а_ лы_ рга да ки_ лдек без,

ка_ йы_ рып а_ лы_ рга да ки_ лдек без;

ә_ нкә_ йе_ нең ту_ ган ба_ ла_ ла_ рын

а_ йы_ рып а_ лы_ рга да ки_ лдек без,

а_ йы_ рып а_ лы_ рга да ки_ лдек без.

5

«Эй карап та торамын үзегезгә»⁷

c' $\text{♩} = 135$

Эй, ка_ рап та то_ ра_ мын ү_ зе_ ге_ згә,

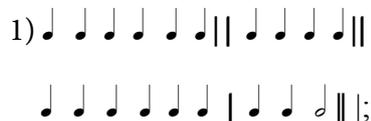
ка_ рлы_ га_ нда(й) ка_ ра да кү_ зе_ ге_ згә(й),

Ы_ ша_ на_ мы_ н(ы), ба_ ла_ лар, ү_ зе... ге_ згә,

та_ шла_ шма_ быз ди_ гән дә сү_ зе_ ге_ згә(й),

та_ шла_ шма_ быз ди_ гән дә сү_ зе_ ге_ згә(й).

Все напевы образуют целостный интонационно-функциональный комплекс: родственные в стилевом отношении и тем самым представляя единый стилевой пласт, они бытуют в сходных контекстных условиях. Навевы поются на однотипный по своей структуре многослоговый поэтический текст 10 — (9—9) — 10 — (9—9), композиционно организованный в строфы АВВСDD, которые могут варьироваться за счет снятия повтора четных строк — АВВCD, АВСDD. Все модификации многослогового поэтического размера происходят одним и тем же образом — в сторону увеличения слогового состава строк, осуществляемого как увеличением числа слогов в строке, так и (что является более распространенным случаем) за счет использования вставных слов; различия в преломлении данной закономерности заключаются лишь в степени интенсивности ее проявления в том или ином образце. Три напева имеют одинаковое слогоритмическое устройство, так что весь фонд формульных долготных строчных форм исчерпывается тремя структурами:

1)

Устойчивая модификация данной слогоритмической формы:

2)

3)

Все слогоритмические формы, независимо от долготной конфигурации, в случае ненормативного увеличения стихового размера усложняются дроблением; последнее (опять-таки независимо от долготного строения строк!) возникает в одних и тех же долготных пози-

циях — перед внутрискривой цезурой, в начале строки и после внутрискривой цезуры, первая позиция является наиболее предпочтительной — настолько, что в случае отсутствия соответствующего слога нередко «поддерживается» огласовкой. В других ситуациях при интонационной реализации слогоритмических форм огласовки используются редко, что, в свою очередь, обуславливает незначительную роль внутрислоговых распевов (исключения возможны, см., в частности, образцы, представляющие второй и третий формульные напевы, примеры 2, 3).

Звуковысотные параметры напевов подтверждают их принадлежность единому стилевому комплексу. Композиционное строение формульных мелодических строф ограничено двумя структурными типами — АААААА и АВВАВВ. В основе ладовой структуры четырех напевов лежит одна и та же разновидность пентатонного звукоряда — d^8 , лишь в одном случае (в четвертом формульном напеве) сменяясь на разновидность g . Звукоряд, как правило, имеет небольшой объем — четырех- или пятиступенный в объеме квинты (сексты); в формульных напевах № 3, 4 он несколько увеличивается — до семиступенного в объеме ноны в первом случае и шестиступенного в объеме октавы во втором. С ладофункциональной точки зрения напевы имеют сходное устройство, определяемое координационным соотношением комплекса нескольких (трех, четырех, реже двух) тонов; последние образуют костяк лада:

$$\begin{aligned}
 & d - e - g - a - h \\
 & d - e - g - a - h \\
 & d - e - g - a - h - d^1 - e^1 \\
 & e - g - a - h - d^1 - e^1 \\
 & d - e - g - a
 \end{aligned}$$

Факт координационного устройства мелодических ладофункциональных моделей и характерное для них звуковысотное соотношение ладовых опор, выстраивающихся по звукам, очерчивающих мажорный квартсекстаккорд (мажорное трезвучие) — т. е. от кварты (большой терции), разделяющей два нижних опорных тона, к сужению интервалики между

верхними опорными тонами, — полностью соотносятся с выводами Э. Алексеева относительно специфики раннефольклорного интонирования (см.: [1]); это позволяет рассматривать формульные напевы елабужских кряшен в качестве представителей архаичного, этнически репрезентативного пласта традиции. Стилистический след последнего можно усмотреть и в мелодических особенностях напевов, главной мелодической идеей которых является «топтанье» в узком пространстве верхних тонов звукоряда (кратковременно сменяемым «выходом» вниз, к конечной опоре), что создает впечатление сужения их и без того небольшого звукового пространства и заставляет вспомнить архаичную интонационную модель, называемую Э. Алексеевым « α -интонирование» [1].

В жанровом отношении все напевы-формулы сходны: каждый из них обнаруживает полифункциональные свойства — способность обслуживать весь обрядовый пласт традиционной культуры (по крайней мере, в том виде, в каком он сохранился на сегодняшний день в памяти информантов) — жанры свадебных, гостевых, рекрутских песен, а также жанр песенной лирики. За пределами их «влияния» оказываются лишь *такмаки* и плясовые песни, что вполне понятно, поскольку последние предполагают иную — короткую — структуру строки. Наибольшее количество образцов, распеваемых на формульные напевы, оказывается связанным с жанром гостевых песен, что отражает характерную особенность кряшенской культуры, где гостевой обряд до сих пор активно функционирует и считается едва ли не самым востребованным.

В данной ситуации закономерно возникает вопрос о жанровых «партнерах» формульных напевов, о существовании в традиции иных, не связанных с формульностью, мелодических форм, фигурирующих в обрядовом контексте и в качестве неприуроченных. Любопытно, но таковых в традиции елабужских кряшен не существует — или, если быть более точным, почти не существует. Так, в произвольной выборке из 85 песен обозначенных жанров (из

них 13 свадебных, 10 рекрутских, 50 гостевых, 12 лирических) таковыми оказываются лишь 19 образцов; пропорция 66 к 19 представляется достаточно показательной и, думается, комментариев не требует. Таким образом, формульные напевы предстают как ядро жанровой системы традиционной культуры елабужских кряшен, ее стержневой, централизующий компонент.

Что касается немногочисленных обрядовых и лирических песен, распеваемых на иные, неформульные, напевы, то они составляют, пользуясь удачным определением И. Нуриевой, мобильную «периферию» традиции. Эти песни являются разными по интонационным характеристикам, но все, как правило, представляют общетатарский стилевой пласт⁹. Наиболее распространенный интонационный тип здесь — *такмак*; в другой стилевой группе напевов преимущественно преломляется стилистика татарской поздней городской лирики. Гемитоновая интонационность ряда коротких напевов свидетельствует об их инонациональных (в данном случае, русских) влияниях.

Анализ степени востребованности этнически репрезентативного формульного компонента традиции елабужских кряшен в каждом из жанровых пластов культуры приводит к выводу, что в отношении песенного составляющего самым консервативным, архаичным, не приемлющим внедрения «мобильных» (позднего происхождения и инонациональных) напевов оказывается свадебный ритуал; это представляется важным. Достаточно устойчивыми, не подверженными «размыванию», предстают жанры гостевых и лирических песен; обратим внимание на то, что лирика елабужских кряшен почти не имеет короткослоговых форм. Наименее закрытым оказывается жанр рекрутских песен: ситуация проводов рекрутов допускает не только исполнение ритуальных многословных песен на формульные напевы, но и пение *такмаков* (часто под гармонику); именно по этой причине, по-видимому, напевы исполняемых на соответствующие тексты *такмаков* оказываются включенными в рекрутский обряд.

Таким образом, в традиции елабужских кря-

шен пять формульных напевов практически полностью обслуживают обрядовый и лирический песенные пласты. Называя число «пять», напомним, что речь идет не об отдельном населенном пункте, а о локальной географической зоне; что касается отдельных населенных пунктов, то в каждом из них число формульных напевов оказывается гораздо меньшим, тем самым традиционный музыкальный материал, бытующий в каждой конкретной деревне, предстает еще более ограниченным (см. таблицу).

Рассмотрение особенностей бытования формульных напевов в исследуемом географическом ареале свидетельствует о том, что самым распространенным из них является первый — он бытует в четырех населенных пунктах из шести, следующим по степени распространенности является второй, бытующий в трех деревнях; четвертый и пятый напевы были зафиксированы в двух деревнях, наконец, третий напев был зафиксирован только в одной деревне — деревне Нижний Тыловый Граховского района Республики Удмуртия, что дает основание считать его напевом этой деревни. С географической точки зрения все населенные пункты расположены довольно обособленно, за исключением деревень Брюшли и Тагаево

(обе — Менделеевского района Республики Татарстан), чуть ближе к ним, чем все остальные, находится село Старое Гришкино (также входит в число населенных пунктов Менделеевского района РТ). Близость или удаленность деревень друг от друга на общность или различие их формульного «репертуара» не влияет: показательно, например, что в относительно близко расположенных деревнях Брюшли и Тагаево бытуют разные формульные напевы — точно так же, как разные формульные напевы бытуют в деревнях Порым и Нижний Тыловый Граховского района Республики Удмуртия, расположенных, напротив, довольно далеко друг от друга.

Настоящая статья, безусловно, не исчерпывает всей проблематики, связанной с феноменом формульных напевов, функционирующих в традиции елабужских кряшен¹⁰. Думается все же, что предложенные наблюдения не только вводят в научный обиход до сих пор неизученный локальный песенный кряшенский диалект (что значимо уже само по себе), но и формируют определенные ожидания при подходе к изучению инодиалектных кряшенских песенных комплексов. Надеемся, что шаг, сделанный в обозначенном направлении, будет продолжен.

№№ п/п	Название населенного пункта	Формульные напевы
1	пос. Кизнер Кизнерского района Республики Удмуртия	1, 2
2	д. Нижний Тыловый Граховского района Республики Удмуртия	3, 5
3	д. Порым Граховского района Республики Удмуртия	1
4	д. Брюшли Менделеевского района Республики Татарстан	1, 2
5	с. Старое Гришкино Менделеевского района Республики Татарстан	1, 2, 4, 5
6	д. Тагаево Менделеевского района Республики Татарстан	4

Примечания

- 1 Кряшены (в быту и в научной литературе их также называют крещеными татарами) — татароязычная этнокультурная общность, расселенная на территории Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Удмуртии, Чувашии, Кировской и Челябинской областей, компактные группы кряшен проживают в различных городах России. Их локальные группы выделяются специфическими особенностями культуры, в том числе песенной. Последняя изучена мало; на сегодняшний день в орбиту исследовательского внимания с разной степенью подробности попали всего пять песенных диалектов татар-кряшен: молькеевских (см.: [2; 3; 4; 5; 7; 18]), пестречинских (см.: [6; 17]), бакалинских (см.: [14; 19]), закамских (см.: [11]), нагайбаков (см.: [13]). Учитывая многокомпонентный этнический состав кряшен и их широкую расселенность, проблема изучения кряшенской традиционной песенной культуры до сих пор остается актуальной.
- 2 Для удобства анализа напевы транспонированы в условия конвенционального пентатонного звукоряда. Данное понятие предложено М. Кондратьевым (см.: [12. С. 17—20]); под конвенциональным пентатонным звукорядом понимается применяемая для аналитических целей звукорядная шкала условной абсолютной высоты, открытая вверх и вниз: «... $G — A — H — d — e — g — a — h — d^1 — e^1 — g^1 — a^1 — h^1 — d^2 — e^2 — g^2$...» [12. С. 18]. В приведенных примерах реальная высота звучания напева указывается с помощью специального условного знака — выставленного при ключе буквенного обозначения звука, фиксирующего высоту замыкающего мелострофу тона.
- 3 Записано 25 июня 2010 года в селе Старое Гришкино Менделеевского района Республики Татарстан от Булановой Марии Павловны, 1936 г. р.
- 4 Записано 23 июня 2011 года в селе Старое Гришкино Менделеевского района Республики Татарстан от Черновой Анны Павловны, 1930 г. р.
- 5 Записано 26 июня 2010 года в деревне Нижний Тыловой Граховского района Республики Удмуртия от Кулаковой Марии Васильевны, 1935 г. р., Кулаковой Марии Дмитриевны, 1937 г. р., Фоминовой Анны Дмитриевны, 1924 г. р.
- 6 Записано 23 июня 2011 года в деревне Тагаево Менделеевского района Республики Татарстан от Смирновой Нины Григорьевны, 1941 г. р.
- 7 Записано 26 июня 2010 года в селе Старое Гришкино Менделеевского района Республики Татарстан от Черновой Анны Павловны, 1930 г. р.
- 8 В настоящей статье наименование звукорядных разновидностей пентатоники осуществляется по опорному тону напева, транспонированного в условия конвенционального звукоряда; так, пентатонная звукорядная форма тон-тон-полтора тона-тон (2232) обозначается как лад/звукоряд g , форма полтора тона-тон-тон-полтора тона (3223) — как лад/звукоряд e , форма тон-полтора тона-тон-тон (2322) — как лад/звукоряд d , и т. п. (см.: [12]).
- 9 Формирование общетатарского песенного пласта исследователи датируют концом XIX — началом XX века и связывают с усилением в татарском обществе общих интеграционных процессов — консолидацией различных групп татар и формированием единой татарской нации, выработкой норм единого литературного языка. Именно в это время складывается единый общенациональный татарский песенный стиль и образуется огромный слой песен, имеющих наддиалектное значение.
- 10 Соотнесение феномена формульных напевов, характерного для традиции елабужских кряшен, с аналогичными явлениями в культуре иных народов региона не оставляет сомнений в том, что это — явление общерегионального порядка. Напевы елабужских кряшен имеют общие лексические составляющие (слогоритмические, звукорядные, ладофункциональные, мелодические — вплоть до совпадения конкретных мелостроф!) с напевами закамских кряшен и елабужских мари. Это актуализирует необходимость сравнительных исследований — отдельного самостоятельного направления в изучении традиционных культур народов Волго-Камья.

Список литературы

References

1. Алексеев Э. Е. Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект. — М.: Советский композитор, 1986. — 240 с. [Alekseyev E. Ye. Rannefol'klornoye intonirovaniye: Zvukovysotnyy aspekt. — М.: Sovetskiy kompozitor, 1986. — 240 s.]
2. Альмеева Н. Ю. Гетерофонная фактура (Опыт анализа архаического многоголосного пения татар-крышен) // Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. и материалов памяти Ларисы Ивлевой. — СПб.: РИИИ, 1998. — С. 195—219 [Al'meyeva N. Yu. Geterofonnaya faktura (Opyt analiza arkhaischeskogo mnogogolosnogo peniya tatar-kryashen) // Sud'by traditsionnoy kul'tury: Sb. st. i materialov pamyati Larisy Ivlevoy. — SPb.: RIII, 1998. — S. 195—219].
3. Альмеева Н. Ю. Календарное пение татар-крышен и его роль в культурологических реконструкциях // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: труды междунар. конф. (Казань, 9—13 июня, 1992 г.): в 3 т. / АН Республики Татарстан, отделение гуманитарных наук. — М.: Инсан, 1997. — Т. II. — С. 187—190 [Al'meyeva N. Yu. Kalendarnoye peniye tatar-kryashen i yego rol' v kul'turologicheskikh rekonstruktsiyakh // Yazyki, dukhovnaya kul'tura i istoriya tyurkov: traditsii i sovremennost': trudy mezhdunar. konf. (Kazan', 9—13 iyunya, 1992 g.): v 3 t. / AN Respubliki Tatarstan, otdeleniye gumanitarnykh nauk. — М.: Insan, 1997. — Т. II. — С. 187—190].
4. Альмеева Н. Ю. К определению жанровой системы и стиливых пластов в песенной традиции татар-крышен // Традиционная музыка народов Поволжья и Приуралья. Вопросы теории и истории: Сб. ст. памяти Султана Габяши. — Казань: ИЯЛИ им. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. — С. 5—21 [Al'meyeva N. Yu. K opredeleniyu zhanrovoy sistemy i stilevykh plastov v pesennoy traditsii tatar-kryashen // Traditsionnaya muzyka narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Voprosy teorii i istorii: Sb. st. pamyati Sultana Gabyashi. — Kazan': IYALI im. Ibragimova KFAN SSSR, 1989. — S. 5—21].
5. Альмеева Н. Ю. Песенная культура татар-крышен: Жанровая система и многоголосие: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / ЛГИТМиК. — Л., 1986. — 21 с. [Al'meyeva N. Yu. Pesennaya kul'tura tatar-kryashen: Zhanrovaya sistema i mnogogolosiye: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya / LGITMiK. — L., 1986. — 21 s.]
6. Альмеева Н. Ю. Песенная традиция пестречинских крышен (бассейн реки Мёши) // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях: Сб. науч. трудов. — Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. — С. 81—107 [Al'meyeva N. Yu. Pesennaya traditsiya pestrechinskikh kryashen (basseyn reki Moshi) // Etnomuzykovedeniye Povolzh'ya i Urala v areal'nykh issledovaniyakh: Sb. nauch. trudov. — Izhevsk: Udmurt. in-t istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 2002. — S. 81—107].
7. Альмеева Н. Ю. Ритмические клише и мелодическая заменяемость в песнях татар-крышен // Народная музыка: история и типология: (Памяти профессора Е. В. Гиппиуса, 1903—1985): Сб. науч. трудов. — Л.: ЛГИТМиК им. Н. К. Черкасова, 1989. — С. 157—165 [Al'meyeva N. Yu. Ritmicheskiye klishe i melodicheskaya zamenayayemost' v pesnyakh tatar-kryashen // Narodnaya muzyka: istoriya i tipologiya: (Pamyati professora Ye. V. Gippiusa, 1903—1985): Sb. nauch. trudov. — L.: LGITMiK im. N. K. Cherkasova, 1989. — S. 157—165].
8. Бояркина Л. Б. Эрзя-мордовское народное песенное искусство Среднего Заволжья и его взаимосвязи с традиционной русской песней: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Л., 1985. — 18 с. [Boyarkina L. B. Erzya-mordovskoye narodnoye pesennoye iskusstvo Srednego Zavolzh'ya i yego vzaimosvyazi s traditsionnoy russkoy pesney: Avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya — L., 1985. — 18 s.]
9. Герасимов О. М. Музыкальный фольклор елабужских мари: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения — М., 1995. — 17 с. [Gerasimov O. M. Muzykal'nyy fol'klor yelabuzhskikh mari: Avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. — М., 1995. — 17 s.]
10. Герасимов О. М. Элнет кундемын поянклыше = Сокровища стороны элнет: Музыкальный фольклор елабужских мари / Министерство культуры Республики Марий Эл, Республиканский центр народно-

- го творчества. — Йошкар-Ола: МПИК, 1997. — 238 с. [*Gerashimov O. M. Elnet kundemyn poyanklyshe = Sokrovishcha storony elnet: Muzykal'nyy fol'klor yelabuzhskikh mari / Ministerstvo kul'tury Respubliki Mariy El, Respublikanskiy tsentr narodnogo tvorchestva. — Yoshkar-Ola: MPIK, 1997. — 238 s.*].
11. *Камалова Э. Ф.* Песенная традиция закамских татар-кряшен: вопросы звуковысотной организации: Дис. ... канд. искусствоведения. — Казань, 2017. — 639 с. [*Kamalova E. F. Pesennaya traditsiya zakamskikh tatar-kryashen: voprosy zvukovysotnoy organizatsii: Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. — Kazan', 2017. — 639 s.*].
 12. *Кондратьев М. Г.* Звукоряды пентатоники: введение в ладовый анализ чувашской народной песни // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории: Сб. ст. — Вып. 4. — Чебоксары: ЧГИГН, 2001. — С. 14—41 [*Kondrat'yev M. G. Zvukoryady pentatoniki: vvedeniye v ladovyy analiz chuvashskoy narodnoy pesni // Chuvashskoye iskusstvo. Voprosy teorii i istorii: Sb. st. — Вып. 4. — Cheboksary: CHGIGN, 2001. — S. 14—41*].
 13. *Макаров Г. М.* Заметки о песенной традиции татар-нагайбаков (по следам экспедиций) // Традиционная музыка народов Поволжья и Приуралья. Вопросы теории и истории: Сб. ст. памяти Султана Габяши. — Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. — С. 90—101 [*Makarov G. M. Zametki o pesennoy traditsii tatar-nagaybakov (po sledam ekspeditsiy) // Traditsionnaya muzyka narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Voprosy teorii i istorii: Sb. st. pamyati Sultana Gabyashi. — Kazan': IYALI im. G. Ibragimova KFAN SSSR, 1989. — S. 90—101*].
 14. Народные песни кряшен Башкортостана: (Бакалинский район) / Казан. гос. консерватория; под общ. ред. З. Н. Сайдашевой. — Казань: Казан. гос. консерватория, 2008. — 200 с. — (Памятники татарского народного музыкально-поэтического творчества. Вып. 3) [*Narodnyye pesni kryashen Bashkortostana: (Bakalinskiy rayon) / Kazan. gos. konservatoriya; pod obshch. red. Z. N. Saydashevoy. — Kazan': Kazan. gos. konservatoriya, 2008. — 200 s. — (Pamyatniki tatarskogo narodnogo muzykal'no-poeticheskogo tvorchestva. Вып. 3)*].
 15. *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — 272 с. [*Nuriyeva I. M. Muzyka v obryadovoy kul'ture zav'yatskikh udmurtov: Problemy kul'turnogo konteksta i traditsionnogo myshleniya. — Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 1999. — 272 s.*].
 16. *Нуриева И. М.* Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: Дис. ... д-ра искусствоведения. — М., 2015. — 415 с. [*Nuriyeva I. M. Udmurtskaya muzykal'no-pesennaya traditsiya: spetsifika zhanroobrazovaniya i funktsionirovaniya: Dis. ... d-ra iskusstvovedeniya. — M., 2015. — 415 s.*].
 17. Песни татар-кряшен. Вып. 1: Пестречинская (примешинская) группа / РАН; РИИИ; АН Татарстана; сост. Н. Ю. Альмеева; под общ. ред. И. И. Земцовского. — СПб. — Казань: РИИИ, 2007. — 311 с. [*Pesni tatar-kryashen. Вып. 1: Pestrechinskaya (primeshinskaya) gruppa / RAN; RIII; AN Tatarstana; sost. N. Yu. Al'meyeva; pod obshch. red. I. I. Zemtsovskogo. — SPb. — Kazan': RIII, 2007. — 311 s.*].
 18. Песни татар-кряшен. Вып. 2: Молькевская группа / РИИИ; АН Татарстана; сост. Н. Ю. Альмеева; под общ. ред. И. И. Земцовского. — СПб. — Казань: РИИИ, 2012. — 472 с. [*Pesni tatar-kryashen. Вып. 2: Mol'keyevskaya gruppa / RIII; AN Tatarstana; sost. N. Yu. Al'meyeva; pod obshch. red. I. I. Zemtsovskogo. — SPb. — Kazan': RIII, 2012. — 472 s.*].
 19. *Трофимова Г. И.* Песенная традиция татар-кряшен Бакалинского района Башкортостана: Дис. ... канд. искусствоведения. — Казань, 2009. — 301 с. [*Trofimova G. I. Pesennaya traditsiya tatar-kryashen Bakalinskogo rayona Bashkortostana: Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. — Kazan', 2009. — 301 s.*].